

Следовательно XVI век отмечен ростом интереса к историческим личностям, но этот рост — пока лишь количественный; качественно интерес этот остается все тем же. Новое понимание человеческого характера начинает складываться лишь в произведениях XVII в., посвященных „Смуте“.¹ Они-то и составят главный предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

* * *

Исторические сочинения первой половины XVII в., посвященные „Смуте“, резко отделяются от предшествующих летописей рядом особенностей и в первую очередь особым интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением. Характеристики — составляют отныне одну из главных целей исторического повествования, они не только увеличиваются количественно, но и изменяются качественно. По сути дела „Временник“ дьяка Ивана Тимофеева представляет собою собрание характеристик деятелей „Смуты“ и событий „Смуты“. Вследствие этого автор не стремится к фактической полноте и последовательному хронологическому изложению событий. Тимофеев не столько описывает факты, сколько их обсуждает. Его „Временник“, в особенности в том, что касается событий после правления Шуйского, не отличается последовательной связью изложения: это очерки и характеристики, — в особенности последние.

Также точно и „Слова“ И. Хворостинина состоят в основном из характеристик деятелей „Смуты“, начиная от Бориса Годунова. Во вступлении к своему труду Хворостинин выясняет цели своего труда: он желает описать „пастырей наших детели“, подвиги „великодушных муж, и бескровных мучеников, и победоносцев“.²

То же самое может быть сказано и о „Повести“ кн. И. М. Катыва-Ростовского, в конце которой помещено даже особое „Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравах“.³

В известной мере тем же стремлением к обсуждению характера исторических личностей отмечено и „Сказание“ Авраамия Палицына, и „Иное сказание“, и „Повесть“ С. Шаховского и мн. др.

Этим интересом к интерпретации событий, а не к их фиксации, и, в особенности, к характеристикам участников этих событий отмечена вся литература о „Смутном времени“. Однако с наибольшей четкостью эта новая черта исторического сознания сказывается в русских статьях Хронографа второй редакции. Литературные достоинства второй редакции Хронографа и значение ее в развитии исторического знания на Руси до сих пор еще остаются недостаточно оцененными.

¹ Здесь и ниже пользуюсь выражением „смута“ лишь постольку, поскольку оно принадлежит самим писателям начала XVII в., так именно определявшим эпоху, послужившую предметом их исследования.

² Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 530.

³ Там же, стр. 619 и сл.